

Олег Сивирин

Пушка*

Из документально-художественного цикла
«Закопанная война – Одесса 1941-1944»

* * *

После завершения Одесской операции и освобождения территории в несколько десятков тысяч квадратных километров вся брошенная техника, в том числе и стоявшая в балке пушка РаК-40, как и другое имущество, попадало в поле зрения трофейного отдела 3-го Украинского фронта. О работе трофейных отделов не писали героических мемуаров и не снимали пафосных фильмов. Их деятельность всегда была покрыта мраком, словно окутана густым черным дымом от догорающих на поле брани остовов разбитой трофейной техники. Тем интересней было заглянуть в текст документа, раскрывающего особые функции этого таинственного органа. Одним из таких документов является «Постановление Государственного Комитета Обороны № 3210 сс» от 19 апреля 1943 года «Об улучшении сбора и вывоза трофейного вооружения, имущества и лома черных и цветных металлов с полей сражений».

Созданный постановлением ГКО 5 апреля 1943 года Трофейный комитет всю работу должен был организовывать и проводить через Управление трофейного вооружения, имущества и металлолома (УТВИМ) и его фронтовые и армейские органы – трофейные отделы.

Согласно пункту № 1 постановления, на Трофейный комитет при ГКО возлагалось:

а) организация сбора и вывоза всего трофейного вооружения, военного имущества, продфуража и других народно-хозяйственных ценностей;

---

* Окончание. Начало в кн. 47.

б) организация рассортировки трофейного вооружения и имущества (годного для дальнейшего использования, требующего ремонта, подлежащего использованию как лом);

в) организация сбора в прифронтовой полосе и вывоза в тыл всего металлического лома...

Для работы с трофеями при армейских трофейных складах (на всех фронтах) формировались специальные демонтажные группы численностью по 30 человек в каждой из специалистов-танкистов, автомобилистов, артиллеристов и слесарей для извлечения годных агрегатов и узлов из разбитой техники (пункт № 8).

Для работающих в трофейных отделах устанавливался фонд премирования в размере 15% от стоимости отгружаемого лома черных металлов и 5% от стоимости отгружаемого лома цветных металлов. Премии устанавливались и для шоферов в размере 3-5 рублей (в зависимости от расстояния) за тонну доставленного лома (пункт № 20).

При этом к контролю и сохранности собранных трофеев отношение было очень бережное. Пункт № 7 устанавливал, что военные советы фронтов и армий не имеют права своим распоряжением изымать из трофейных складов и использовать трофейное вооружение и имущество...

Судя по некоторым пунктам постановления ГКО, брошенную немцами пушку РаК-40 ожидала база «Вторчермета». Ну, в лучшем случае, были бы отобраны годные для использования детали и узлы. А если бы эта пушка находилась в исправном состоянии? Что ждало трофейную РаК-40 в СССР в будущем? Конечно, это информация многие годы являлась настоящей военной тайной. Однако сегодня уже можно заглянуть в послевоенное время и с удивлением узнать, что захваченные у немцев в годы войны пушки через восемнадцать лет после Победы 1945 года снова начали стрелять на войне. Дело в том, что практически все хранившиеся на складах в СССР трофейные немецкие 75-мм противотанковые пушки РаК-40 в конце 1950-х годов Советский Союз передал вооруженным силам Северного Вьетнама. Там из них были сформированы несколько противотанковых батальонов. Также пушки РаК-40 использовались вьетнамцами как бе-

реговая артиллерия. На появившихся в последнее время в интернете фотоснимках можно увидеть, к примеру, пушку PaK-40 с вьетнамским расчетом, в состав которого входила женщина-корректировщик, задействованную в береговой обороне в провинции Намха. На другом историческом фотоснимке зафиксировано участие нескольких немецких пушек PaK-40 в параде в Ханое в 1960-м году.

А тем временем после окончания Одесской операции работы у трофейных служб оказалось предостаточно. И об этом лучше говорить языком цифр:

«Оперативная сводка за 15 апреля 1944 года... Войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Малиновского в результате проведенных наступательных операций от Южного Буга до Днестра с 25 марта по 12 апреля нанесли противнику следующие потери в живой силе и технике.

Уничтожено:

Танков и самоходных орудий – 42
Орудий разного калибра – 199
Минометов – 83
Пулеметов – 589
Автомашин и тягачей – 436

Противник оставил на поле боя 26800 трупов солдат и офицеров.

За это время войска 3-го Украинского фронта захватили у немцев следующие трофеи:

Самолетов – 7
Танков и самоходных орудий – 401
Орудий разного калибра – 753
Минометов – 291
Пулеметов – 991
Винтовок – 8820
Радиостанций – 101
Автомашин – 10672
Мотоциклов – 481
Тракторов и тягачей – 208
Бронетранспортеров – 46
Автоприцепов – 392

Повозок с военными грузами – 6203

Лошадей – 2076

Паровозов – 287

Вагонов, платформ и цистерн – 6104 (из них 1377 груженных боеприпасами, продовольствием, горючим, заводским оборудованием, инженерно-техническим и другим военным имуществом.

Складов – 95 (из них с боеприпасами – 52; с продовольствием – 38; с колючей проволокой – 3; с цементом – 2).

Взято в плен 10680 солдат и офицеров.

Таким образом, общие потери немцев по главным видам боевой техники и в живой силе за время наступательных операций войск 3-го Украинского фронта с 25 марта по 12 апреля составляют:

Пленными и убитыми – 37480

Танков и самоходных орудий – 443

Орудий разного калибра – 952

Автомашин, автоприцепов и тягачей – 11708...»

Теперь, через шестьдесят семь лет после окончания Одесской операции и подведения ее итогов, мы из будущего можем, восстанавливая историческую справедливость, добавить в перечень общих потерь противника, в графу «орудия разного калибра – 952» еще одну неучтенную боевую единицу, пушку PaK-40, и изменить цифру на «953»!

Почему трофейные команды 3-го Украинского фронта не выполнили возложенные на них обязанности и не изъяли пушку сразу после освобождения территории, можно объяснить рядом причин. Здесь и весеннее бездорожье, и общее большое количество трофеев, разбросанных в причерноморской степи и в крупных населенных пунктах, с которыми пришлось работать в первую очередь. Ясное дело, спрятанную в глухой балке пушку тогда просто никто из военных не заметил. В том месте и сейчас редко можно встретить человека или автомобиль. В общем, как говорится, иголка в стоге сена. Полутонная «иголка», так и не ставшая трофеем, подтолкнула меня к более предметному выяснению судьбы брошенных под Одессой больших и маленьких трофеев.

Совсем иное дело – сформированные в населенных пунктах сразу после освобождения органы местной власти. Они знали и видели все. И как выяснилось, работа по сбору трофеев была среди первоочередных задач, возложенных на местную власть Постановлением Государственного Комитета Оборона № 1156сс от 16 января 1942 года. Этот документ обязывал органы местной власти «о собранном вооружении, боеприпасах и прочем военном имуществе немедленно сообщать органам НКВД или в ближайшую воинскую часть, организовав на месте охрану». Более того, первый пункт вышеуказанного постановления, которое военное командование соединений Красной Армии в обязательном порядке должно было издавать при занятии населенных пунктов, было обращено к гражданскому населению: «...всех граждан, проживающих в освобожденных Красной Армией населенных пунктах, в течение двадцати четырех часов сдать воинским частям, органам НКВД и местным органам власти все брошенное противником и подобранное огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, противогазы, обмундирование, обувь, людское и конское снаряжение, автотранспорт, повозки, продовольствие, фураж и прочее военное имущество, а также имущество, принадлежавшее частям Красной Армии, советским, общественным организациям и частным лицам, и присвоенное гражданами во время немецкой оккупации».

Именно на это постановление, цитируя его слово в слово, ссылались Котовский и Красноокнянский исполкомы райсоветов трудящихся в своих постановлениях от 3 апреля и 7 июня 1944 года, хранящихся ныне в Государственном архиве Одесской области. (Котовск освобожден 31 марта, Красные Окна 3 апреля 1944 года.) Но ни через отведенные двадцать четыре часа, ни через неделю, ни через месяц поставленная задача так и не была решена. О чем свидетельствует очередное постановление Котовского райсовета по этому вопросу от 17 августа 1944 года. То есть через три с половиной месяца после освобождения данной территории. В документе, в частности, сказано: «...ход работ по разминированию и сбору трофейного и отечественного вооружения, боеприпасов и имущества по с/советам района проходит неудовлетворительно». Когда познакомишься с текстом это-

го документа, становится предельно ясно, что самым неотложным, большим вопросом являлся не сбор трофеев, а разбросанные повсюду боеприпасы. Это то, что продолжало убивать и калечить и в те первые месяцы после освобождения, и даже через десятки лет после окончания войны. Вот главный вопрос, которому посвящен практически весь текст постановления, связанный еще и с необходимостью засеять напичканные боеприпасами поля. В документе, в частности, оговаривается создание специальных команд для разминирования с присутствием на опасных работах медроботника с необходимыми медикаментами. И главное – проведение среди населения массовой разъяснительной работы о правилах поведения и мерах предосторожности «в минированных местах». Для таких бесед с населением привлекались инструкторы, бойцы-минеры, комсомольский актив, директора и учителя школ...

Казенные бумаги бумагами, а жизнь есть жизнь, и она всегда наполнена живыми чувствами, характерами, и безусловно, своими тайнами. «Не ведает царь, что делает псарь», – тонко подмечали еще наши далекие предки, вкладывая в афоризм информационную избирательность того, что и как излагалось на официальных бумагах, ходящих по, как сейчас принято говорить, «вертикали власти», и того, что происходит в действительности. За сухими строками постановлений, решений, отчетов и актов ни за что не разглядеть того, как на самом деле складывалась судьба оставшихся трофеев, попавших в руки местного населения. очевидцы и участники тех событий, с кем удалось беседовать, – сегодня уже пожилые люди, а тогда дети и подростки, видевшие все своими глазами. Они единственные свидетели, кто помог составить представление о происходившем на бывших полях сражений в первые месяцы после боев.

Везде и всегда первыми, кто оказывался на поле боя после его завершения, было мужское население разных возрастов из ближайших сел. Гонимые нуждой и действуя по нехитрому принципу «кто первый нашел, того и вещь», люди растаскивали все подряд, в первую очередь, подбирая одежду и продукты питания. Одним из таких «искателей» весной 1944 года был одиннадцатилетний житель Петровки Коля Подольский, который с двумя тезками

сверстниками день за днем стал пропадать в балке уже в первые дни после окончания прошедших здесь боев. Петровка – село в шестидесяти километрах к северо-востоку от Одессы. Здесь находился один из основных немецких опорных пунктов, призванный блокировать Старокиевское шоссе – основную магистраль, ведущую на Одессу. В самом селе и в его окрестностях в конце марта 1944 года немцами заранее были подготовлены оборонительные позиции: по господствующему склону балки были вырыты траншеи, пулеметные окопы и оборудованы блиндажи, сооруженные из спиленных в округе телеграфных столбов и снятых с жилых домов входных дверей. Блиндажи предусмотрительно были утеплены отнятыми у местного населения подушками, матрасами и перинами. По селу – в огородах и возле Покровской церкви – рассредоточили реактивные минометы. За селом установили артиллерийскую и минометную батареи. Провели полевую связь.

Ожесточенный бой продолжался несколько дней, оставив после себя классическую картину поля брани: убитые, застывшие в неестественных позах, воронки от взрывов минометных мин, брошенное оружие, каски, стреляные гильзы и целые патроны, порванные разноцветные провода полевой связи... В первые дни здесь помимо военных вещей можно было разжиться диковинными немецкими продуктами. Например, сыром в круглой упаковке с удобной кольцом-открывашкой или сухими порошковыми напитками разных видов. Каски, противогазные баки, спиртовые горелки, ремни, бинокли, штык-ножи, патроны, гранаты, оружие быстро становились привычными вещами для детей и подростков. Войдя в кураж от такой вольницы, дети начали стрелять из брошенного оружия. Особенным «геройством» считалось у них взорвать немецкую гранату или стрельнуть из немецкого автомата. Но их сразу, пока не закончились подходящие патроны, которых было очень мало, у младших забирали старшие ребята. Зато много было советских винтовок и патронов к ним. Вскоре оружием занялась местная власть. Сейчас трудно сказать, исходило это от трофейных служб или нет, но в селе создали сборный пункт, в котором за сданное оружие выдавали хлеб. Коля сдал советское противотанковое ружье и получил за это 300 грамм хлеба. А домой он тогда притащил выта-

щенный из траншеи матрас. Матрас был измазан грязью и испачкан кровью, и мама этот трофей не приняла. Пришлось выбросить. Мне Николай Васильевич рассказал, когда мы обходили эти места, что с этим матрасом он здорово тогда намучался, доставая его из траншеи из-под тел двух убитых немцев. Показал и старый колодец на окраине села, в который немцы перед отступлением сбросили большое количество противотанковых мин, надолго лишив людей возможности пользоваться водой из источника. Наличие противотанковых мин в арсенале опорного пункта сразу напомнило мне о немецких правилах приоритетности противотанковой обороны. Колодец разминировали только через несколько лет, и то только после многочисленных просьб жителей Петровки.

Сразу после освобождения Петровки кто-то из местных обратился к военным с просьбой разрешить взять с убитых немецких солдат одежду. Немецкие вещи считались особой ценностью, их в первую очередь брали, чтобы перешить на детский размер. Как вспоминал Подольский, это были немецкие куртки, брюки, шинели и пальто на меху. Не перешитыми дети носили только немецкие пилотки. Из вещевых трофеев Коле достались тогда китель и брюки, которые мама долго приводила в порядок, выпаривая усохших в складках материи вшей. Но носить перешитую трофейную обновку Коле пришлось не скоро. В один из походов в балку за трофеями в конце апреля один из троих неразлучных приятелей, раскручивая немецкую гранату, подорвался. Погиб Колин приятель сразу, а их двоих сильно ранило разлетевшимися осколками. Подольский шесть месяцев пролежал в местной больнице. А убитого одиннадцатилетнего мальчика похоронили 2 мая 1944 года.

В эти же дни и недели сражения проходили не только на земле, но и в небе, где противостояли друг другу советская 17-я Воздушная армия и немецкий 4-й Воздушный флот с союзным румынским авиационным корпусом. Жертвы воздушных схваток, оказавшись на земле, тоже становились доступными для людей трофеями. Одним из таких крылатых трофеев, превратившийся в место паломничества, стал упавший в нескольких километрах западнее Петровки, в районе села Александровки, немец-

кий трехмоторный транспортный самолет. Судя по описаниям, это был Ю-52 (Ju-52), или «Тетушка Ю» (Tante Ju), как иронично-трогательно называли эту машину сами немцы из-за ее толстого угловатого фюзеляжа. Этот самолет остался в памяти людей благодаря тому, что стал источником появления в окрестных селах множества кустарных расчесок. Дело в том, что из дюралевых частей лежащего самолета умельцы вырезали нужных толщины и размеров полосу, а в ней уже делали пропилены необходимой частоты и глубины, а затем просто шлифовали изделие. Выходила модная расческа.

История с еще одним Ю-52, сбитым в районе Тилигульского лимана и севшим на брюхо на склоне в Кошарской балки, на еще оккупированную немцами территорию, хранит в себе и трагические воспоминания. Кто-то из местных первым делом попытался слить керосин. Застигнутые за этим занятием два человека были тут же, рядом с самолетом, расстреляны. В дальнейшем этот самолет разбирался на части для хозяйственно-бытовых нужд жителями села Ранжево. Так одна семья выломанные из самолета трубчатые дюралюминиевые конструкции диаметром в разных местах в 5-6 сантиметров при небольшой доработке приспособляла в разное время и под оглоблю, и под дышло (одиночная оглобля в парной конской упряжке). До этого обычно жерди для оглобли делали из легкого и прочного дерева, которое все равно рано или поздно приходило в негодность. А тут буквально с неба упала почти готовая оглобля для упряжи лошадей из крепкого и надежного дюралюминия. А потому исправно служившая в этом качестве не одно десятилетие после войны, благодаря чему и сохранилась до наших дней в первозданном виде.

Из всех встреченных мной трофеев, приспособленных к мирной жизни, пожалуй, самым жизнеутверждающим, по сути своего перерождения и использования, стала простая гильза от немецкой полевой 105-мм гаубицы, являющаяся ныне экспонатом в школьном музее в районном центре Коминтерновское. Железная гильза, наверное, еще не успела остыть после смертоносного выстрела, как сразу была подхвачена смекалистой хозяйкой, и многие годы, практически до начала XXI века, переходя по наследству, служила удобной формой для выпечки пасхальных куличей к светлому празднику Воскресения Христова.

Что касается другой трофейной мелочи, то она присваивалась и использовалась повсеместно, служа потом в хозяйстве и быту. Вещи, в основном, старались перешивать на детей. Ремни носили с выбитыми с бляхи немецкими атрибутами войск. В стеклянных бутылках из-под ликера хранили подсолнечное масло. В противогазных баках держали кто табак, кто солидол, кто гайки и болты. Немецкие канистры для горюче-смазочных материалов, добротные сделанные, эмалированные внутри, люди использовали по прямому назначению – хранили и хранят до сих пор бензин для личного автотранспорта. Разнообразные штыки перетачивали для забоя домашней скотины. От гильз крупнокалиберных орудий отпиливали донышки и делали латунные тарелки, вмещавшие как раз два черпачка украинского борща. Но безусловно, самыми распространенными как по количеству, так и по простоте использования в доморощенной конверсии стали немецкие каски. Их можно было видеть почти в каждом дворе в селах, рядом с которыми проходили бои или имелось немецкое кладбище. Созданные из качественной стали, каски десятки лет, до 1980-х годов, в перевернутом виде с удаленным подшлемником служили емкостями для воды и корма для домашних животных. Любопытно то, что нечто подобное, только в промышленных масштабах, происходило в послевоенной Германии. Там старались переводить оставшееся в огромном количестве военное имущество для бытовых нужд населения, в том числе и в кухонную утварь. Подробно об такой работе рассказывалось в документальном фильме, созданном западными историками. В фильме были продемонстрированы кадры хроники, в которых было показано, как на бывшем военном заводе стальные немецкие каски переделывают в кухонные дуршлаги.

В противовес простым людям облеченные властью советские чиновники старались обзавестись более значимыми вещами – исправным трофейным транспортом. Достаточно большое количество техники, подобранной населением за несколько месяцев, создало устойчивый черный рынок трофейной техники. Растаскивание движимой трофейной техники, происходившее с апреля по август 1944 года, приобрело настолько массовый характер, что в процесс решительно вмешались военные...

Углубившись в исследование этого вопроса, в одном из военных ведомств я нашел интересный документ, имеющий прямое отношение к судьбе оставшейся в прилегающем к Одессе с севера-востока Коминтерновском районе трофейной техники. Документ ранее никогда не публиковался, а потому привожу его полностью в оригинальном виде.

Приказ № 88 по Коминтерновскому Райвоенкомату от 24 августа 1944 года:

«Имеют место случаи незаконного приобретения предприятиями, учреждениями и частными лицами трофейных автомашин, мотоциклов, велосипедов, которые являются боевыми машинами, а не транспортными средствами передвижения, и подлежат немедленному изъятию у учреждений, предприятий и частных лиц все автомашины, мотоциклы, велосипеды.

На основании приказа командующего Одесского военного округа приказываю:

§ 1

С получением настоящего в трехдневный срок представить в райвоенкомат все трофейные автомашины, мотоциклы и велосипеды как предприятиями, учреждениями, так и частными лицами.

§ 2

За невыполнение приказа виновные будут привлечены к ответственности по законам военного времени.

Райвоенком, майор. Подпись».

Как видно из текста этого грозного приказа, о сохранности брошенных на территории Коминтерновского района бронетранспортеров, реактивных минометов, пушек и самолетов речь вообще не идет. Хотя, как выяснилось, эта тяжелая техника продолжала стоять на полях и в селах Коминтерновского района. И вправду, одно дело укатить машину или мотоцикл, не говоря уже о велосипеде, и совсем другое – освоить тяжелое орудие. Ведь сами немцы, к примеру, для замены ствола пушки в полевых условиях задействовали ремонтные команды и специальную технику. Поэтому для проводимой индивидуально «конверсии» требова-

лись смекалка, умение и богатырская сила. В общем, нужно было основательно повозиться и вдобавок иметь в наличии соответствующий моменту инструмент и гужевой транспорт. Поэтому и стояла пушка РаК-40 несколько лет нетронутой и никому не нужной.

Справедливости ради стоит сказать, что о немецкой пушке со временем все-таки стало известно в районном центре. Как рассказывал мне отец, это было еще «при Сталине». В конце 1940-х годов приехали на мотоцикле два офицера из Коминтерновского военкомата и осмотрели встроенные в погреб части пушки. Их интерес к частям пушки был вызван не самой трофейной единицей, к тому времени уже разобранной, а на предмет подтверждения безопасности использованных в постройке частей пушки. «Хороший погребок, долго будет служить», – сказали на прощание удивленные увиденным военные.

А во время издания приказа, в августе 1944 года, война продолжалась, и мой дед продолжал воевать, наступая на Запад, где ему суждено было даже побывать короткое время в немецком плену, откуда удалось сбежать. Тогда в хаосе фронтовой неразберихи, среди обезображенных до неузнаваемости тел, похороненных в братской могиле, его по ошибке зачислили в число убитых. И через время молчаливый почтальон принес на дальний хутор похоронку, извещавшую о гибели Сивирина И.Т. Бабушка моя – бедная женщина, как она тогда боялась стука в дверь почтальона, сообщавшего семье о потере за потерей! Сначала пришло известие о том, что в мае 1944 пропал без вести ее младший брат Федор. Затем принесли похоронку на среднего брата Андрея, погибшего 31 декабря 44-го года у местечка Юрем в Венгрии. И вот снова знакомый стук... Теперь она узнала, что стала вдовой. Вдовой с тремя малолетними детьми. В такой печали она прожила почти два года, пытаясь как-то жить в послевоенном горьком мире. И после того как муж всем смертям назло вернулся живым, после всего пережитого, им, как и многим людям, тогда хотелось как можно быстрее забыть о страшной войне. Хотелось строить новую мирную жизнь. Одним из таких маленьких штрихов к устройству своей новой жизни была постройка обычного погреба. Выстроив его из частей вражеской пушки, демобилизованный солдат перевоплотил призванного убивать железного монстра в жив-

неутверждающую конструкцию погреба, издавна считавшегося в сельском быту культовым сооружением – вместилищем съестных припасов, залогом жизни в завтрашнем дне для всей семьи. И этим своим простым и неприметным творением у моего деда, простого человека, невольно и воистину по Хемингуэю, получилось очень выразительно сказать: «Прощай, оружие!».

* * *

Из практически целой пушки, законсервированной в постройках хуторского двора, к середине 2000-х годов дошли несколько частей и отдельных фрагментов. Среди них уцелели основные элементы орудия – ствол моноблок, состоящий из ствола, соединительной муфты и дульного тормоза, распиленные трубчатые станины и два круга диаметром 28 сантиметров, вырезанные электросваркой из бронированных щитов. Сами щиты за год до начатых мной работ по сохранению военной реликвии, к сожалению, были сданы в металлолом. Остальные части пушки также в течение нескольких предшествующих лет были украдены и сгинули в пунктах приема металлолома. Но даже оставшиеся детали пушки, как выяснилось позднее, сами по себе таили много интересной исторической информации. Как и предполагалось, под слоем грязи и ржавчины были скрыты клейма заводо-производителей. Первой нашлась маркировка на дульном тормозе, состоящая из отдельно нанесенного знака в виде щита с буквами внутри и набора букв и цифр, выбитых в одну строку, – «FI 3071». Аналогично была выбита маркировка на соединительной муфте – «FI 4301 bcd». Намного сложнее обстояло дело с поиском клейма на стволе. Помимо того что размеры нанесенных клейм были ничтожно малы (высота букв и цифр в маркировках варьируется от 6 до 8 миллиметров), так еще в придачу четырехсоткилограммовый трехметровый ствол требовал серьезных усилий нескольких человек для передвижения, необходимого для детального осмотра. (Достаточно сказать, что для первоначального извлечения ствола пушки из присыпанного землей строения и его дальнейшей транспортировки потребовался трактор, грузовой автомобиль и помощь нескольких человек.)

Момент извлечения ствола пушки
Кадр из видеосъемки автора. 31 июля 2007 г.

Транспортировка четырехсоткилограммового
ствола пушки
Кадр из видеосъемки автора. 31 июля 2007 г.

Вид ствола пушки
Фото автора 31 июля 2007 г.

Ствол пришлось досконально, буквально сантиметр за сантиметром осматривать в течение несколько часов, чтобы в конце концов обнаружить искомую информацию. На середине ствола помимо заводского клейма «FL 2579 bwr» был выбит, согласно существовавшему в немецкой военной промышленности порядку, знак приемки Управления вооружения (Waffenamt), представляющий собой орла с распрямленными крыльями, держащего в когтях свастику. Под орлом выбит набор букв и цифр: «WaA..» (аббревиатура от названия организации Waffenamt) и цифровой код конкретной инспекции, проводившей тестирование и приемку этой пушки перед отправкой на фронт. Как видим, снятые с деталей данные, состоявшие из набора букв и цифр, представляли из себя закодированную, как настоящая военная тайна, информацию. В то же время в появившихся в последнее время многочисленных справочниках, посвященных производству стрелкового оружия и амуниции, обнаружилось полное отсут-

ствие предметной информации о производстве тяжелой техники в Германии. Выход был один – обратиться к первоисточнику, то есть на завод «Rheinmetall», серийно производивший в годы вой-

ны пушки PaK-40. С помощью немецкого благотворительного фонда «Общество развития» удалось связаться с представителем компании «Rheinmetall». Здесь стоит уточнить, что сегодня «Rheinmetall» – это крупнейший в Европе производитель вооружения и автомобильных комплектующих. По производству вооружений концерн находится в четверке мировых лидеров. Производственные площади компании находятся в семи странах мира с общей численностью сотрудников 20000 человек. Среди современной продукции компании все та же военная техника, только уже другого поколения: радиолокационные станции дальнего обнаружения, бронированные машины спецназа, беспилотные летательные аппараты, роботы разминирования, самоходные артиллерийские установки.

...Представитель компании, ознакомленный с историей данной пушки по переданным ему фотографиям заводских клейм, помог расшифровать трехбуквенные комбинации, стоящие на двух деталях пушки. Как выяснилось, в изготовлении «нашей» пушки PaK-40 участвовали несколько смежных предприятий, выполнявших заказы «Rheinmetall». Так, соединительная муфта, согласно нанесенному коду «bcd», была изготовлена на фабрике им. Вильгельма Густлоффа (в оригинале: Wilhelm-Gustloff-Werke), находившейся в городе Веймар в земле Тюрингия. Ствол пушки с кодом «bwr» и клеймом госприемки создавался на Берлинском Ангальтском машиностроительном заводе (в оригинале: Berlin-Anhaltinische-Maschinenbau AG) в городе Дессау, в земле Саксония-Анхальт. Также в письме сотрудника «Rheinmetall» указывалось, что данный тип шифровок – года изготовления и заводов-производителей – в целях особой секретности был введен после 1943 года, так как в предыдущий период год изготовления на пушках указывался цифрами. Таким образом, нам удалось определить, что пушка PaK-40, оставленная под Одессой в апреле 1944 года, была выпущена в первые месяцы 1944 года. То есть была практически новая. Примечательно, что введенные в 1944 году немецкими военными шифры для военных заводов хранят свои тайны до сих пор. По этому поводу процитирую далее отрывок из переведенного письма с «Rheinmetall»: «Буквенные комбинации FI и FL, возможно, означают дату изготовления пушки.

Вентиляционная труба погреба, сделанная из части трубчатой станины немецкой пушки
Кадр из видеосъемки автора. 31 июля 2007 г.

Часть трубчатой станины пушки, много лет служившая столбом для бельевых веревок
Фото автора. 26 августа 2010 г.

К сожалению, в отличие от других подобных кодов, значение которых можно найти в литературе, данную комбинацию не удалось расшифровать...». Что касается заводской маркировки на дульном тормозе, то из-за сильной коррозии металла буквы на ней трудно различимы. Пока можно остановиться на варианте трехбуквенной комбинации «evz» и, исходя из этого, предположить, что данную деталь для пушки изготовил металлургический завод Bergbau AG в городе Зальтиттер. Также не удалось пока расшифровать заводскую маркировку на болтах пушки.

Работа по исследованию истории пушки будет продолжаться и дальше. Теперь уже на новом, постоянном месте хранения – на вновь созданном мемориальном комплексе Мемориала 412-й береговой батареи в поселке Чебанка, куда, по единодушному решению моей семьи, переданы в дар сохранившиеся военные реликвии. И одним из первых шагов при планируемой реставрации будет попытка выяснить наличие боевых подвигов у пушки: под слоем ржавчины на стволе, возможно, сохранились фрагменты особых меток в форме колец, согласно традиции, наносимых немецкими артиллеристами на ствол. Количество нанесенных на ствол колец соответствует количеству подбитых танков. (По аналогии с традицией летчиков второй миро-

вой войны наносить на фюзеляж самолета отметки (кресты, звезды) о каждом сбитом самолете.) Ведь несмотря на то, что, как удалось установить по номерам, пушка была новая, она все же успела повоювать. Об этом красноречиво свидетельствует состояние броневое щита орудия: все, кто его видел, – от моего деда и отца до местного фермера, вырезавшего для своих нужд по незнанию

Круги, вырезанные электросваркой из бронированного щита пушки
Фото автора. 22 июня 2010 г.

из щита два круга, – в один голос утверждали, что внешняя сторона щита была изрешечена следами от попаданий пуль и осколков.

* * *

Все это удивительная история с немецкой противотанковой пушкой, прошедшей путь, начиная с цехов немецких заводов и грозного оружия на полях сражений, – до набора стройматериалов для сельского погребца, едва не превратившейся на этом пути в бесформенную грудку металлолома, в эти дни, наконец, в виде сохранившихся частей становится военно-историческим экспонатом и своим появлением в новом качестве невольно встраивается в один ряд с другими одесскими пушками-трофеями. Замечал кто-то ранее эту особенность или нет, но так происходило, что после военных действий в Одесском регионе, которых, слава Богу, было не много, символичными трофеями оказывались именно пушки. Всем этим пушкам в полной мере соответствовали научные определения термина «трофей» – как «почетной военной добычи, захваченной у неприятеля», и «вещественной памяти о какой-либо победе». Явно просматривается какая-то закономерность. Как будто для Одессы важнее всего было, чтобы замолкли именно пушки. И не просто замолкли, а еще и были бы выставлены на обозрение горожан. Попробовав на миг отбросить привычный порядок вещей материального мира, мы найдем

подсказку сакрального смысла «пушечных» ритуалов в известном выражении: «Когда говорят пушки – музы молчат». И здесь уместно напомнить о славе Одессы как города, возвращающего на своей благодатной почве удивительно талантливых людей, которым, как известно, покровительствуют всевозможные музы. Теперь просто перевернем афоризм – и получим желанное для Одессы: «Музы говорят, когда молчат пушки»! Заветные слова, претворяемые, как показывает военная история Одессы, в жизнь.

Так было с умолкшей в 1854 году английской пушкой с фрегата «Тигр», которая в числе других орудий была поднята со дна, и только по воле случая не попав в переплавку, через сорок девять лет была с трудом отыскана и к 50-летней годовщине бомбардировки Одессы, в сентябре 1904 года, установлена на постамент. Правда, и до, и после английской пушки в Одессе XIX столетия было немало еще турецких трофейных пушек, и служивших причальными тумбами, и даже «мирно стреляющими» в центре города, – сигнализируя выстрелом точное время суток. Но все они были, так сказать, не с «одесского театра военных действий». (Подробно об истории турецких пушек, их происхождении, использовании и местах дислокации, можно прочесть в серии публикаций известного исследователя истории Одессы Олега Губаря.)

Еще более значимым для города оказался захват румынских пушек чешского производства в период обороны Одессы в 1941 году. Эти пушки перед своим захватом успели принести городу много бед. Установленные в конце августа в районе Чебанки, они целый месяц через залив вели обстрел города. Затем в результате контрудара были захвачены и на следующий день провезены по улицам Одессы. На стволах и щитах трофейных пушек мелом были выведены две надписи, сделанные в характерном для Одессы остроумном стиле: «Она стреляла по Одессе. Больше по Одессе стрелять не будет». Даже сегодня трудно переоценить значение этих слов для одесситов, живших тогда под систематическими авианалетами и артобстрелами этих самых пушек. По сути, это была первая публичная демонстрация трофеев в Великой Отечественной войне. Этот маленький парад стал настолько неординарным событием, что вошел практически во всю лите-

ратуру, посвященную обороне Одессы. Более того, в кинофильмах «Жажда» и «Подвиг Одессы» также художественно отображены эпизоды с провозом по городу захваченных трофейных пушек с остроумными надписями. Правда, все пушки в кино бутафорские. Настоящие остались только на фотографиях.

И только военный апрель 1944 года, казалось, не оставил в истории Одессы трофейной пушки со своей особенной историей. Однако прошли годы, и сейчас можно сказать, что одна все-таки вернулась из небытия, для того чтобы теперь послужить и на радость музам, и на благо военной истории Одессы. И пусть теперь умолкшие навеки жерла турецких, английских, румынских, немецких трофейных орудий станут для одесситов постоянным живым напоминанием о храбрых воинах, защищавших и освобождавших наш любимый город.

Автор благодарит за помощь в работе над материалом В.В. Поповскую, Н.Н. Копко (с. Касьяны, Коминтерновский район), Н.В. Подольского, В.Л. Калюжного (с. Петровка, Коминтерновский район), Т. Бальцер (Благотворительный фонд «Общество развития», Германия), П. Шелухина-Серого (г. Одесса).

